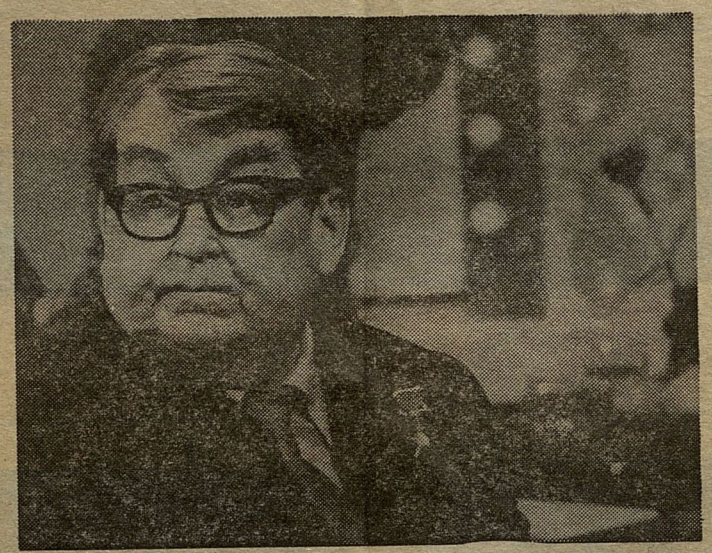
Соловьев – Седой В. П. 20-26.04/1992

(7)

Семь дней – 1992 – 22-26 апр. (№ 17) – с. 14

ВМЕСТО ЮБИЛЕЯ

ПЕСНЯ СЛЫШИТСЯ И НЕ СЛЫШИТСЯ



Вроде бы о Соловьеве-Седом надобно писать по случаю 85-летия композитора, а рука выводит совсем другое — в ответ на эстрадную глупость и пошлость. Конечно, превратить в фарс можно все: и революцию, и контрреволюцию, и путч, и даже собственную историю. И повод был — 1 апреля. Но что же это вы, молодец шутовского подряда, так измельчали — аж до «Подмосковных вечеров» добрались! Или тем больше нет, а смешить да потешать хочется? Да есть темы, только оглянитесь, в свое нутро, наконец, загляните...

Ну ладно, добрались до песни. Зал гогочет. Хотя зал, драгоценные шутники, публика всегда гогочет — палец ей покажи, и будет стон... Но вы-то что высмеиваете? То, что речка движется и не движется, или что песня слышится и не слышится? И что нельзя, дескать, смотреть искоса, низко голову наклоня... Ну да, выходит, по-вашему, что и автор-поэт, писучи песнюльку-однодневку, бухой был, и герой его шизофренического сочинения — в дугу, а кто тогда героиня, к которой обращается герой: так, пожалуйста, будь добра, потому как рассвет все заметнее?..

Знаете ли, милостивый государь Михаил Задорнов, несравненный вы наш ангажированный пересмешник, кому наша подгулявшая на пиру перестройки державушка доверила на ТВ право новой ночи 1992 года, что вы теряете стержень вашего трудного ремесла, — не ловкость смешить, а меру вкуса. Композитор умер давно, поэт, автор слов «Подмосковных вечеров», — недавно, кто ответит вам на пошлость?.. Так что, эстрадные ребята, дерзайте, смешите усталого гегемона. Песен у нас невпроворот, и покойников — тьма. А то-то еще будет! Словом, труден, но и хорош у вас хлеб насущный...

Переведем дыхание. О Соловьеве-Седом теперь. Нет, речь не про то, что «Подмосковные вечера» хороши — музыкой и словом (между прочим, чередование глаголов и частицы «не» — удачная поэтическая импрессия, состояние предрассвета, еще не утро, но уже и не ночь, и душа еще не проснулась, и слух, и глаза в сонной грезе, и отклик этим брезжущим ощущениям — песня, что и слышится и не слышится, потому что такие чувства и такие песни суть дело тонкое, лирическое, а не фельетонное). Это само собой. И что песня летит над планетой, и гениальный Вэн Клайберн опять и опять ворожит «Вечерами», погружаясь своими длиннющими ломкими пальцами в черное-белое поле клавиш, вслушиваясь в это мелодическое чудо из трех-четырех нот...

И вряд ли стоит нынче объяснять всего остального Соловьева-Седого, который шел к своим песням трудно, через битие худсоветов и режиссеров-дураков («Подмосковные вечера», кстати, выбросили из паршивого докфильма за неуместную лиричность). Он сказал новое песенное слово, высказался поперек дежурным песням — маршам и гимнам и сопливой лирике, славословящим страну и их факиров. Лирика Соловьева-Седого гражданственна. Его песни не вообще о народе (общности), а о человеке (личности). Да и это очевидно тем, кто не слушает песню, а слышит, кто не смеется над чувством, кастрированный собственным остроумием, а просто чувствует.

Недавно в нашем еженедельнике была напечатана статья «Не надо, ребята, о песне тужить». Хорошая статья, но беспощадная, какая-то революционная, срезающая под корень так называемую советскую песню. Дескать, «до основанья мир разрушим, а затем...». Правильно, много у нас было в песнях дежурного и пролетного. И пресловутые песенные худсоветы были для одних кострами аутодафе, для других (своих, неоскудевающедающих) — праздниками успеха и таланта. Но ведь нормальные, сердечные, просто люди на подобных экзекуциях или «понтристалищах», слава Богу, не бывают, а вот добрые песни все-таки поют и душу отводят. Вот и получается линия: ежели все под ядрен корень, то отчего же не охаять и «Подмосковные вечера». Так что мы от души поздравляем и автора статьи, призывающего не жалеть песню, и пересмешника номер один, смехом уничтожающего песню, со званием «революционеров-разрушителей», или, по-лесковски говоря, «потрясователей». Да и, к слову заметим, в том же духе на ТВ была сведена под тот же корень популярнейшая «Песня года», потому как для нее телепортные стачали новый наряд: «Хит-парад» называется.

Так что хитуйте, люди русские!

И хорошо лишь то, напоследок говоря, что Василий Павлович, не дожил до такой околопесенной телепоказухи.

А передача в честь В. П. Соловьева-Седого называется так: «ДЕЛО ЖИЗНИ — ПЕСНЯ». Я поставил бы восклицательный знак, да вот только песенник не любил ничего такого.

В. УЛАНОВ

ДЕЛО ЖИЗНИ — ПЕСНЯ. ПЯТНИЦА, 24 АПРЕЛЯ, РАДИО-1, 19.30.

Фото Н. и А. Агеевых